

Клюшников Виктор Петрович

**Марево. Роман в 4-х частях
Сочинение В. Клюшникова**

Часть 4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В43

В43 **Виктор Петрович К.**
Марево. Роман в 4-х частях Сочинение В. Ключникова: Часть 4 / Ключников
Виктор Петрович – М.: Книга по Требованию, 2022. – 107 с.

ISBN 978-5-519-89395-4

ISBN 978-5-519-89395-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

I.

ПРОБЛЕСКЪ СОЗНАНІЯ.

«Что жь это я въ самомъ дѣлѣ? Куда это я забѣжалъ?» спохватился Коля, приходя понемногу въ себя. Вода холодною лентой обвила ему грудь, нервная дрожь охватила все тѣло, зубы частили; вокругъ непроглядною стѣной поднимался очереть, а надъ головой синѣла чистая, далекая высь. Перепалка стихала, чуть слышно доносились тревожные голоса, глухо задробили по лѣсу копыта и стали постепенно затихать....

«Уѣхали!» встрепенулся Коля и рванулся было за ними; съ хутора неслась другая волна конскаго топота. Кавалеристы въ разсыпную перекликались на опушкѣ. Человѣкъ пять спустились къ самому пруду, поили лошадей, переговаривались въ нѣсколькихъ шагахъ отъ бѣглеца, а онъ не двигался съ мѣста, вздрагивая при каждомъ шорохѣ, и ожидая: вотъ-

вотъ раздвинутся камыши, увидятъ его солдаты... и тогда прощай! Страхъ отнималъ ноги, а самого что-то тянуло выглянуть изъ убѣжища. Онъ пробрался на конецъ очерета, осторожно выставилъ голову, и проворно спрятался, ничего не разобравъ; ему померещилась кровавая рѣзня, истребленіе, бойня... направленное на него дуло!... Однако все было тихо; ободрившись, онъ рѣшился еще разъ полюбопытствовать: двое уланъ уносили съ поля Русанова, голова его свѣсилась на бокъ, руки качались будто плети, съ мертвою уступчивостью.... Въ другой кучкѣ солдатъ, прихрамывая, упираясь и бранясь, шелъ отставной поручикъ Кондачковъ. Скоро и они скрылись за садомъ. Въ безразличномъ отупѣніи простоялъ Коля еще съ полчаса въ водѣ. Почти подлѣ него, со дна пруда, поднималась высокая ракета; вокругъ ея пня весенніе наносы образовали пловучій островокъ; волна плескала подъ его окраины и разсыпалась мелкою рябью; на свѣтломъ днѣ лѣниво поворачивались караси, мелкіе жучки вертѣлись по верху, водяные пауки сигналы во всѣ стороны....

«Пускай ее живетъ,» разсуждалъ Коля, снимая съ платья прицѣпившуюся улитку: «ступай, наслаждайся жизнью.... Никого не надо трогать....» Меланхолическое настроеніе болѣе и болѣе овладѣвало имъ; онъ вспомнилъ стихи изъ Лермонтова *Валерика*:

.. Жалкій человекъ!
Чего онъ хочетъ? Небо ясно,
Подъ небомъ мѣста много вѣтъ;
Но непрестанно и напрасно
Одинъ враждуетъ онъ — зачѣмъ?

И, повторивъ нѣсколько разъ послѣдній вопросъ вслухъ, онъ вскарабкался на берегъ островка, снялъ сапоги, вылилъ изъ нихъ воду, хотѣлъ было повѣсить ихъ на солнце и остановился...

«Зачѣмъ? Куда я теперь пойду? Что мнѣ дѣлать? Гдѣ преклонить голову? Лисы имѣютъ норы...»

Мысли его незамѣтно перешли къ житію пустынниковъ, какъ они уходили изъ городовъ, отряхая прахъ отъ ногъ своихъ, питались акридами, дивнымъ медомъ, и враны приносили имъ пищу; положимъ, въ этой странѣ не было ничего подобнаго, а враны могли только глаза выклевать, да вѣдь ухитряются же бѣглые солдаты проживать по лѣсамъ... можно поститься на шелковицѣ, глодѣ, грибахъ.... А зима? «Господи, спаси меня, спаси,» зашепталъ онъ вдругъ, ставъ на колѣни и крестя себѣ грудь быстрыми движеніями правой руки, въ родѣ того какъ на балалайкѣ играютъ: «я раскаюсь въ прошлыхъ заблужденіяхъ.» Но тутъ стало ему совѣстно передъ самимъ собой: пришло на память, какъ онъ, ярый атеистъ, давалъ точно такіе же обѣты, собираясь на экза-

мень и запрятывая въ рукавъ клочокъ ваты отъ святой иконы, чтобъ этою самою рукой вынуть легкій билетъ.... «Будь они прокляты!» вырвалось у него новымъ порывомъ:—«чему они научили меня? Какое это воспитаніе? Чтò я умѣю дѣлать? На чтò я гожусь? Въ псалтыри никто не возьметъ... Ни на чтò не похоже, какъ ѣсть хочется,» заключилъ онъ мысленно, подтянулъ кушакъ и легъ на траву, надѣясь до ночи подкрѣпить себя хоть сномъ. Островокъ качался подъ нимъ, онъ старался еще бодрить себя, и съ какою-то безпечною отчаянью принялся раскачивать подъ собой берегъ....

«Больше всѣхъ дяденька виноватъ,» думалось ему противъ воли: «вотъ онѣ фразы-то! Мысли свободно, вѣдь ты не рабъ, ты свободный человѣкъ! Хорошо ему тамъ на пуховикахъ-то!» Онъ обернулся въ ту сторону, гдѣ въ зелени сада виднѣлась соломенная крыша усадьбы, и прежняя жизнь подъ крыломъ родственниковъ стала развертываться въ воспоминаніи....

«Тоже хороши!» желчно шепталъ онъ: «радовались не нарадовались бойкимъ мальчикомъ, вотъ тебѣ и бойкость.... Посадить бы ихъ въ мою кожу...»

Настроивъ еще цѣлую кучу плановъ побѣга, истомленный нравственною пыткой, онъ наконецъ уснулъ; мысли, путаясь и безсвязно мелькая въ разгоряченномъ мозгу, перешли въ образы: чудилось ему, что онъ сидитъ на высо-

комъ креслѣ, за столомъ, крытымъ краснымъ сукномъ, подписываетъ проекты реформъ; судить, рядить и управляетъ дѣлами всей Россіи, а на другой столъ подають ему жареныхъ фазановъ, куропатокъ, всевозможныя блюда, съ такими тонкими, ароматическими приправами, съ такимъ аппетитнымъ запахомъ, что такъ бы и поглоталъ все цѣликомъ.... Но вотъ холодно-ватая сырость пронизываетъ его насквозь; одержанный бокъ будто одеревенѣлъ, голодъ все сильнѣй да сильнѣй. Довольно, господа, идемте обѣдать! Онъ открылъ глаза: темное небо все въ звѣздахъ, и вѣтеръ заунывно шелеститъ въ камышахъ....

Безцѣльно побрелъ онъ берегомъ пруда къ рощѣ. Налѣво отъ него двигалась по песку собственная тѣнь, направо по водѣ лунный столбъ. Кожаны неслышнымъ полетомъ съ пискомъ кружились вокругъ него, мелькали надъ золотистою рябью воды, вились въ тепломъ воздухѣ; на берегъ слабо плескалъ прибой. На мокромъ пескѣ четко вдавились чьи-то слѣды и темноватые пятна. Коля наклонился и разглядѣлъ кровь.

«Кто-нибудь изъ нашихъ шелъ этою дорогой,» подумалъ онъ, направляясь по слѣдамъ. Они привели его въ чашу орѣшника. Тамъ, полузадернутый черными тѣнями, лежалъ навзничъ окоченѣлый трупъ. Бѣлый свѣтъ мѣсяца обдавалъ блѣдное лицо матовою синевой, на гу-

бахъ запеклась кровь, открытые глаза остановились на скошенномъ взглядѣ.... Что-то маленькое, черное побѣжало съ лица на траву... Коля бросился въ сторону и пошелъ въ чашу, озираясь по сторонамъ.

«Чортъ ихъ побери совсѣмъ!» думалъ онъ, все чаще и чаще оглядываясь и ожидая чего-то послѣдняго, невыносимаго... и вдругъ... подъ ногами звучно топнулъ заяцъ и ровными прыжками зашуршалъ въ кустахъ. У Коли что-то оборвалось внутри; кровь прилила мурашками къ ногамъ; онъ дрогнулъ и пустился бѣжать безъ оглядки.... Вѣтки хлестали ему въ лицо, онъ спотыкался на пни, падалъ, вскакивалъ, и все бѣжалъ, задыхаясь отъ усталости, волненья и обливаясь потомъ...

Деревья стали рѣдѣть; пестрымъ, неровнымъ ковромъ потянулась пашня; жутко и чудно отдавались ему собственные шаги. Онъ задержалъ духъ и пріударилъ еще шибче, самъ не зная куда....

На разсвѣтѣ, оборванный, взмоклый, голодный, наткнулся онъ на казачій пикетъ. Казаки поднялись было отъ разложеннаго огня, защелкали курками винтовокъ, но взглянувъ въ храбраго воина съ двухаршинною саблей, встрѣтили его дружнымъ хохотомъ. Онъ тотчасъ оправился, закинулъ голову, протянулъ саблю и горделиво проговорилъ «сдаюсь!»

II.

СПАСИБО.

Въ тотъ же день вѣсть о ночномъ нападеніи разнеслась по уѣздному городку; еще ночью многіе изъ обывателей видѣли за предмѣстьемъ трепетавшее зарево, слышали глухіе залпы. Къ утру стали съѣзжаться на базаръ окольные крестьяне; многіе сказывались очевидцами, молва пошла изъ дому въ домъ; кто говорилъ, что Поляковъ уложили на мѣстѣ всѣхъ до одного; другой самъ видѣлъ нѣсколько человѣкъ, прятавшихся въ лѣсу и пророчилъ разбой; тотъ слышалъ отъ вѣрныхъ людей, что есть неподалеку другая шайка, не въ примѣръ больше первой; какъ только разбитые сберутся къ ней, такъ вмѣстѣ и двинутся нагородъ. Какъ водится испоконъ вѣку, досужливые вѣстовщики рассказывали невѣсть что, и къ вечеру тревога распространилась по всѣмъ улицамъ; домохозяева отбирали въ кучу что поцѣпнѣй, собирали на ночь дозоръ; изъ дому предводителя

потянулись экипажи по дорогѣ въ его имѣніе. Народъ косился на всякую незнакомую личность. Подъ вечеръ, когда тѣни домовъ, окружавшихъ городскую площадь, перекинулись черезъ нее, всползли по бѣлымъ стѣнамъ противоположныхъ зданій, перешагнули ихъ, заволакивая по немногу весь городъ, и шѣсяць блѣднымъ пятномъ глянулъ въ листовое желѣзо церковной главы, зажиточные обыватели цѣлыми семьями вышли на обычную, вечернюю прогулку вдоль гостиныхъ рядовъ съ краснымъ товаромъ; купцы запирали лавки, или стоя у входа калякали съ прикащиками; у всѣхъ и на умѣ и на языкѣ на разные лады перебиралась новость дня...

Два человѣка, въ крестьянскомъ нарядѣ, съ кожаной сумой за плечами, пробирались предметъемъ, прошли ряды, и взойдя въ бакалейную лавочку, начали отбирать кой-что съѣстное...

— Издалека ли Богъ несетъ? Спросилъ прикащикъ, получивъ нѣсколько златовъ и подозрительно глядя на нихъ изъ-за прилавка.

— Здѣшни, отвѣтилъ одинъ, торопливо укладывая булки въ суму.

— Здѣшни? Переспросилъ прикащикъ: — на что жъ деньги-то нездѣшни?

— Ну? И что жъ такое? Проворчалъ покупатель отходя прочь.

— Что больно спѣсивъ панъ? Крикнулъ тотъ въ догонку.

Исправникъ, шедшій мимо подъ руку съ женою, пріостановился, окинулъ прохожихъ пристальнымъ взглядомъ: несвойственная Малороссѣ развязность походки, дорожная сумка и особый отпечатокъ на лицахъ, явно кололи ему глаза...

— Ступай ка домой, сказалъ онъ женѣ.

Она такъ свылась съ мужниною службой, что въ минуту поняла его, выпустила руку и взошла въ лавку, не теряя его изъ виду...

Прохожіе шли уже на площадь, когда исправникъ, мигнувъ нѣсколькимъ сидѣльцамъ, опередилъ ихъ и сталъ какъ разъ на дорогѣ.

Тѣ перекинулись, двумя, тремя фразами, хотѣли свернуть въ сторону, сидѣльцы подоспѣли...

— Куда путь лежитъ? Крикнулъ одинъ, заступая дорогу. Народъ сталъ подходить со всѣхъ сторонъ.

— До Кіева, отвѣтилъ одинъ.

— Значить на богомолье, такъ? Вы какой вѣры-то?

— Христіанской, процѣдилъ тотъ сквозь зубы.

— Ты чего руку то за пазуху суешь? виѣшался мастеровой:—что у тебя тамъ, ножъ что ли?

— Ваши бумаги? Подошелъ исправникъ: — кто вы такіе?

Прохожіе подали ему паспорты.

— Такъ вы крестьяне нашей волости? продолжалъ исправникъ.

— Такъ есть, отвѣтилъ опрашиваемый.

— Ваши бумаги? обратился исправникъ къ другому.

— А цожъ такого, пане? вступился первый, теряясь.

— Какъ же вы говорите, что здѣшний? Вы Полякъ... Перебилъ исправникъ:—не угодно ли вамъ слѣдовать за мной...

Арестованные переглянулись и пошли за исправникомъ, сопровождаемые толпой, переговаривавшеюся вполгоса изъ уваженія къ начальнику города. Онъ прошелъ на гаубтвахту, въ отдѣльную каморку, и кликнувъ солдатъ къ дверямъ, приступилъ къ допросу.

— Умѣете ли вы читать? Знаете ли вы, что въ паспортахъ вы оба значитесь волостными головами одной и той же волости? Чтожь это такое?

Эти слова озадачили обоихъ; на лицахъ появилось смущеніе; одинъ опустилъ голову.

— Ну, цо робить? Проговорилъ другой:—попались, обманули насъ...

— Гдѣ вы достали ихъ?

— Чтожь, нечего скрывать! Изъ острога, пань.... Тамъ есть мастера, какую хотите печатъ вырѣжутъ....

— Осмотрѣть сумку и платье, сказалъ исправникъ солдатамъ.

— Да ничего же нѣтъ, пань, дали букъ, ничего нѣтъ, заговорили оба разомъ.

Въ сумкѣ ничего не нашлось; но въ толстой,